

АРОЛДО БЕРНИ

18+

Аролдо Берни

Толерантность

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Роман «Толерантность» – это творческое переосмысление событий, происходящих в Европе в последние годы. Эта книга – сентенция фактов, разрушающих устоявшийся миропорядок, задуманную природой или самим Создателем гармонию. Это произведение – личный взгляд, авторское предупреждение о том, что паноптический европейский либерализм в скором времени приведет к полной деградации и вымиранию некогда процветающих стран и народов. Политика, которую проводят правительства большинства стран Европы, в ближайшем будущем приведет к уничтожению европейской культуры, религии, накопленных знаний и наследия. Этот разрушающий человечество вирус европейской толерантности, распушенности и вседозволенности, неспособность властей адекватно реагировать на возникающие проблемы, не может не затронуть и нашу страну, которую различные «реформаторы» пытаются вовлечь в хаотичную орбиту, так называемых, европейских ценностей.

Роман «Толерантность» – это противоядие, вернее вакцина, которая может вызвать легкое недомогание, но защитит от настоящей смертельной болезни под названием толерантность.

Эта книга – политическая драма, героями которой стали обычные люди.

Хотя действие книги разворачивается в вымышленной стране Франглии, мы понимаем, что похожие события происходят в Германии, Франции, Италии, Испании и других странах. Франглия – это отражение, социальный срез большинства европейских государств.

И роман «Толерантность» – это художественный вымысел, местами эксцентричный, местами утрированный.

Автор книги заранее просит прощения у тех, кому материал покажется оскорбительным. Цели обидеть кого-либо у этого произведения нет.

Данный роман написан по одноименному сценарию к полнометражному художественному фильму. Поэтому здесь нет привычных для книг глав. Есть эпизоды, так, как это было бы в кино.

Содержание

Пролог	5
Эпизод 1	7
Эпизод 2	13
Эпизод 3	23
Эпизод 4	28
Эпизод 5	31
Эпизод 6	33
Эпизод 7	35
Эпизод 8	38
Эпизод 9	47
Эпизод 10	51
Эпизод 11	57
Эпизод 12	60
Эпизод 13	64
Эпизод 14	71
Эпизод 15	75
Эпизод 16	83
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Аролдо Берни

Толерантность

Пролог

Свет от уличного фонаря еле освещал комнату в которой за небольшим письменным столом сидел мужчина и что – то вдумчиво печатал на ноутбуке. Обстановка в комнате напоминала шоу-рум в магазине «ИКЕА» или в любом другом мебельном магазине, наполненном однотипными предметами из древесно-стружечных плит. Можно было подумать, что это небольшая квартира мелкого клерка погрязшего в бесконечных кредитах. Но была одна небольшая деталь в этой обстановке, которая говорила о том, что это совсем не квартира – решетка на окне.

С недавних пор все тюрьмы Франглии и других европейских государств стали походить на многоквартирные жилые дома. В погоне за правами человека, а ведь воры, убийцы и насильники – это тоже люди, пенитенциарная система Европы старается максимально сгладить неудобства осужденных, отбывающих наказание. И, как бы в извинение, предоставляет особо выдающимся сидельцам двухкомнатные апартаменты, трехразовое питание, медобслуживание, занятия спортом, хорошие библиотеки, а иногда и проститутку, причем

любого пола. Это толерантно и очень современно. По мнению министров, депутатов и прочих номенклатурных государственных мужей, человек ведь лишен свободы и ему нужно облегчить страдания всеми возможными способами. Вероятно, эти самые законотворцы готовят тюрьмы под себя, предчувствуя свое скорое попадание за решетку...

Мужчина допечатал текст и, победоносным движением указательного пальца, поставил точку в конце вордовского документа. Еще пару секунд он смотрел в монитор ноутбука, затем резко развернулся на своем крутящемся офисном кресле, предоставляя невидимым зрителям на обозрение экран компьютера. Весь текст рассмотреть было невозможно, читалось лишь одно слово, напечатанное очень крупным шрифтом:

«ТОЛЕРАНТНОСТЬ»

Эпизод 1

Старинный город Парилон, в котором еще сохранилось много раритетных домов с кровлями из натуральной глиняной черепицы, расположился на юге Франглии. С одной стороны город окружали небольшие пологие горы с великолепными виноградниками, с другой – плантации томатов и лаванды. Однако, в последние годы из – за квот Евросоюза, ограничивающих производство аграрной продукции, многие фермеры разорились и уехали, оставив свои родовые поместья на волю Бога и Европарламента. Иногда туристы, едущие через город к морю, останавливались на пару дней в Парилоне, чтоб посмотреть на лавандовые поля, купить лавандовое масло и цветочное мыло, и сделать несколько фотографий в фиолетовом поле. Некоторые гурманы заезжали в Парилон специально, чтобы посетить старинную винодельню «Джорджио & Джорджио», продегустировать вино из бочек, и прикупить парочку бутылок этого легендарного напитка. Молодежь старалась как можно быстрее уехать из небольшого города в столицу Франглии – Рименберг, потому что перспектив здесь практически не было. Вернее, перспективы были, но все связанные исключительно с тяжелым трудом в сфере сельского хозяйства или с работой в городских учреждениях. Но кто сейчас из современной молодежи желает стать тем же виноделом или заниматься изготовлением сы-

ров? Кому интересно следить в «Instagram» за жизнью крестьянина с фермы, или рабочего с каменоломни?

Город жил неспешной, размеренной провинциальной жизнью.

Одной из достопримечательностей города была старинная итало – албанская католическая церковь. По воскресеньям в ней проходила традиционная служба и после нее проповедь.

Настоятелем прихода был отец Габриэль – видный мужчина 45 лет, высокого роста, средней комплекции, носивший небольшие усы. У него был взрослый 20-летний сын Каллисто. Жена Габриэля умерла во время родов, и священнику пришлось в одиночестве растить ребенка. Габриэль родился в Парилоне и уезжал из него всего несколько раз, правда, надолго. Первый раз, сразу после школы он пошел по контракту в армию. Сделал он это не потому, что мечтал о военной карьере, а из-за скуки и наперекор своим родителям. Отец Габриэля был не очень удачливым художником, хотя и не бедным, так как кроме живописи он занимался рекламным дизайном. Папаша имел отвратительный, деспотичный характер, как и подобает настоящему творцу, и мечтал о том, что его сын добьется большего признания, чем он сам. С момента, когда маленький Габриэль начал хоть как то координировать свои движения, отец всунул в детскую ручонку карандаш, и стал мучить его рисованием долгие годы подряд, подготавливая для поступления в Академию Художеств. Через много лет мучений, на предварительных экза-

менах в Академию, Габриэлю сказали, что таланта у него нет, хотя и есть ремесло, но в целом лучше живописью ему не заниматься. Для него это были слова облегчения, чего не сказать об отце, который погрузился в еще большую депрессию, из которой не вышел уже до самой своей кончины. Смерть настигла его в возрасте сорока восьми лет, когда он на своем автомобиле, находясь в пограничном состоянии от принятого алкоголя, въехал на полной скорости во встречный тягач «Volvo» с фурой в двадцать тонн. К всеобщему ужасу родственников и друзей семьи, в седане была и мать Габриэля. Хоронили их в закрытых гробах. Габриэль не смог присутствовать на похоронах родителей, так как по иронии судьбы в звании капрала он водил тяжелый армейский тягач со 105-миллиметровым орудием. На могилу своих папы и мамы Габриэль попал только через несколько недель после похорон. Гибель родителей очень сильно повлияла на мировоззрение молодого человека, и он решил поступить в духовную семинарию, тем более еще в армии он увлекся религией, чему поспособствовала его дружба с полковым капелланом. Так как священникам итало – албанской католической церкви византийского обряда необязательно принимать целибат, то на втором курсе семинарии Габриэль женился на девушке Летиции, чье имя переводится как – счастье. Счастье Габриэля длилось недолго, во время родов, по невыясненным до конца причинам, Летиция умерла, оставив Габриэлю новорожденного младенца.

С тех пор прошло двадцать лет, и вот отец Габриэль в белой альбе, надетой им по случаю воскресной мессы, стоял на старинной деревянной кафедре. В церкви было достаточно много народа, в основном, конечно же, люди среднего и старшего возраста.

Среди них был хозяин знаменитой винодельни сорока шестилетний Джорджио со своей женой и дочерью. Он был несколько полноват, имел густые, темные волосы, еще не тронутые сединой и, самое главное, он имел, на зависть всем его ровесникам, красавицу жену Катарину, за которой в свое время бегала половина мужского населения Парилона. Но, Катарина выбрала Джорджио. Вернее, не она его выбрала, а он, можно сказать, купил девушку у престарелых родителей, почти разорившихся мелких буржуа. Говорят, он заплатил за нее 350000 франков, конечно не в буквальном смысле. Джорджио вложил в деньги в кирпичную фабрику, принадлежащую отцу Катарины, тем самым спас старика от разорения. Удачно вложив средства, он теперь получал дивиденды с продаж кирпича, хотя это были не очень большие деньги, так как их родовая винодельня уже давно обеспечила финансовую независимость даже его возможным правнукам. Тем не менее, брак Катарины и Джорджио был счастливым и для прочности союза скреплен дочерью Милисой, которой недавно исполнилось 18 лет.

Джорджио был ровесником Габриэля, они учились в школе в одном классе и были закадычными друзьями. Хотя, в по-

следнее время отношения между друзьями несколько охладели. Виной этому стала ересь и чушь, которую, по мнению Джорджио, нес в своих проповедях отец Габриэль.

Как истинный католик, Джорджио с семьей ходил в церковь каждое воскресенье. Милиса ходить на службу не хотела, но авторитарное поведение отца не позволяло ей пропустить мессу, поэтому девушка была вынуждена покорно высиживать два часа службы на неудобной церковной скамье и с нетерпением ждать окончания мероприятия, которое, напутствующими словами отца Габриэля, как раз подходило к концу. Габриэль обвел прихожан взглядом, на мгновение остановил взор на Джорджио и продолжил:

– И вот сейчас, когда наше общество стоит почти на вершине своего развития, на пике своего самосознания и познания своего тела и разума, мы можем полностью отдаться самому главному – любви! Любви к создателю! Любви к своим ближним! И неважно кто мы, и в чьем теле! Любите друг друга такими, какие мы есть, и помните, кто создал нас такими, и кто он, наш Создатель, любите его как он любит нас и снизойдут до нас блага Его. Это и есть истина. Аминь.

В этот момент должен был заиграть орган, но музыканта опередил громкий голос Джорджио:

– Габриэль! А у твоего сына член еще не отвалился? Слушать тебя противно! Разберись в семье, а потом уж других поучай!

От слов Джорджио у Катрины округлились глаза, а Мили-

са совершенно по-идиотски хихикнула. Катарина повернулась к мужу и сказала:

– Боже мой, Джорджио! Что ты такое говоришь?

Джорджио даже не поворачиваясь к жене ответил:

– Помолчи! – и продолжил свою речь, адресованную Габриэлю, который не знал как реагировать на реплику своего друга, и от того стоял в некотором замешательстве, – Бог создал мужика и бабу! Что бы они размножились! И все! Вот она истина!

– Джорджи, перестань позорить нас! – прикрикнула Катарина.

– Заткнись дура! Пошли отсюда!

Джорджио схватил одной рукой Катарину, другой Милису, которая продолжала глупо улыбаться, сдернул их со скамьи и под шушуканье оставшихся в храме прихожан, которые то ли возмущались словам Джорджио, то ли наоборот его поддерживали быстро пошел к выходу, волоча за собой жену и дочь.

Эпизод 2

Неподалеку от знакомой нам церкви, в тени создаваемой очень старым и большим каштаном, стояла патрульная «Alfa – Romeo», на крышу которой облокотился полицейский офицер. Это был комиссар Парилоне Аролдо Берни. Обычно полицейские такого ранга не носят форму, но иногда Аролдо специально ее надевал, брал полицейскую машину и ненадолго становился обычным патрульным «фараном». Делал он это по нескольким причинам: во-первых, развеяться от кабинетной работы, во-вторых, пообщаться с народом, как говорится «на земле», узнать лично, а не в письменных запросах граждан, о реальной обстановке в городе. Ну и наконец, вдоволь погонять на мощном автомобиле с мигалкой, плюя на превышения скорости и прочие ПДД. Недавно Аролдо исполнилось сорок шесть лет, он среднего роста, крепкого, близкого к атлетическому телосложения, и бритый на лысо. В целом, его типаж больше подходил сутенеру, чем полицейскому.

Аролдо родился в Парилоне, и учился в школе в одном классе с Габриэлем и Джорджио. Его мать Кэлоджера – Летиция дель Берни происходила из старинного дворянского рода и носила титул – графиня. До рождения Аролдо, она была начинающей молодой ничем не примечательной актрисой в драматическом театре Парилоне. И, возможно, таковой

бы и осталась, но в театр приехал новый главный режиссер Жиральд Реверди – будущий отец Аролдо. Кэлоджера сразу же поняла, что это ее шанс и окрутила Жиральда, который был старше ее на двадцать лет. Режиссер, конечно же, не сопротивлялся натиску девушки и вскоре сделал ее примой театральной труппы, дав ей большинство главных ролей. Так Кэлоджера стала шекспировской Джульеттой почти на двадцать лет, и, кстати, еще датской королевой Гертрудой.

Родители Кэлоджеры – Летиции, почти ровесники с Жиральдо, конечно же, были против союза их дочери и какого-то стареющего режиссеришки, но когда она забеременела, деваться было некуда, и отец Кэлоджеры граф Берни закатил грандиозную, по меркам провинциального города, свадьбу. Единственным условием графа было дать новорожденному ребенку его фамилию, что и было сделано через пять месяцев после свадебного торжества, когда на свет появился Аролдо Берни. В детстве парень мечтал, так же как и родители, посвятить свою жизнь театру, в котором он болтался целый день, но его дед – отставной полковник граф Берни был категорически против и считал, что мальчику надо выбирать карьеру военного, тем более что имя Аролдо означает – армейский лидер. К тому же военным больше платят, и они пользуются безмерным уважением в обществе, чего не скажешь о театральном бомонде. В итоге жизнь мальчика сложилась почти так, как видел будущее своего внука отставной полковник. Когда Аролдо было пятнадцать лет, его

отец Жиральд скоропостижно скончался от инфаркта прямо на репетиции в театре в возрасте шестидесяти пяти лет и воспитанием юноши занялся дед, которому удалось отбить у Аролдо желание стать театральным деятелем. Тем более что после смерти его отца, новый режиссер театра отстранил Кэлоджеру сначала от роли Джульетты, что было естественно из – за ее возраста, а потом и ото всех остальных главных ролей, потому что у нового режиссера была своя муза. Аролдо разочаровался в театре и понял, что тот состоит на десять процентов из творчества, и на девяносто из интриг.

Окончив школу, Аролдо ушел служить по контракту в армию, попав по рекомендации своего деда в 5-ый кирасирский полк, базировавшийся в Джибути. Поначалу он думал остаться в вооруженных силах и сделать карьеру военного, но очень скоро ему наскучила однообразная жизнь удаленного гарнизона, где изо дня в день ровным счетом ничего не происходило, кроме стрельбы из всех возможных видов стрелкового оружия по бутылкам и брошенным старым автомобилям. Поэтому, отслужив положенные по контракту три года, премьер-капрал-майор Аролдо незамедлительно подал рапорт об уходе с воинской службы. И ближайшей осенью поступил на юридический факультет университета в столице страны Рименберге, благо ему, как бывшему военному служащему, полагались серьезные льготы в получении хорошего образования.

Вскоре после поступления в университет скончался его

дедушка. И только на похоронах Аролдо понял, что любил его больше всех членов своей семьи. Он был рад, что послушал деда и не связал свою жизнь с искусством, потому что с годами его стала раздражать фальшивая театральность его матери Кэлоджеры, которая и в жизни играла «заламывающая руки». Она, кстати, просила своего сына всю жизнь называть себя исключительно по имени, никак не «мама». Через несколько недель после похорон старого графа, Кэлоджера со своей матерью – бабушкой Аролдо законсервировали шикарную шести комнатную квартиру, с потолками, подпираемыми колоннами, с огромной библиотекой и ванной комнатой, отделанной натуральным мрамором, до лучших времен и уехали из города в свое небольшое имение на юг страны. Они там проживают до сих пор, причем Кэлоджера с любовником, который младше ее на 15 лет. Ну, а будущий комиссар полиции, тем временем вернулся к учебе.

На втором курсе университета Аролдо устроился в криминальную полицию Рименберга младшим детективом бюро уголовного розыска. Очень скоро он понял, что гоняться за преступниками – его призвание, поэтому учеба в университете затянулась для него на шесть лет, вместо положенных четырех. Тем не менее, кое-как, закончив обучение, и получив диплом бакалавра юриспруденции, ему, как человеку с университетским образованием, а не какой-нибудь школы полиции, предложили повышение по службе и назначили старшим детективом в отдел по расследованию тяжких

преступлений. Аролдо так увлекла его работа, что он, естественно, стал забывать свой родной Парилон и своих школьных друзей. Единственная связь с прошлым поддерживалась редкими телефонными разговорами с Кэллоджерой. В жизни Аролдо была только работа, и он действительно был классным полицейским, но с не очень большой зарплатой. Из – за этого он никак не мог жениться, потому, что наступали времена глобализации и перенасыщения рынка товарами народного потребления и девушкам, кроме любви и семейного счастья требовалось все больше и больше элементов «dolce vita», это было в середине 90-х годов. Тем не менее, в тридцать лет он встретил девушку и сделал ей предложение. Это событие стало самым идиотским и бездарным за всю его жизнь. Паола, блондинка с большой грудью, пользуясь своей эффектной внешностью, крутила им, как хотела, и требовала все больше и больше блестящих, красивых, статусных, но не всегда нужных вещей, пугая мужа разводом. Аролдо был вынужден брать один кредит, что бы погасить другой. И эта кабала тянулась много лет подряд. Он, конечно, мог воспользоваться семейными деньгами, которые накопил еще его дед, но в отличие от матери, которая не гнушалась тратить их на свои пластические операции, косметологов и шмотки, делать этого не хотел. Порой ему казалось, что выхода нет. Но, как иногда бывает, в жизнь детектива вмешался случай. Его коллеги арестовали какого – то наркоторговца средней руки и уже готовились отправить его на отсидку, лет на

двадцать пять. Именно в этот момент к Аролдо обратились родственники подследственного, занимающие весьма влиятельное положение в обществе, с интересным предложением, цена которого была двести тысяч евро. От Аролдо требовалось развалить уголовное дело и уничтожить улики, то есть просто выкинуть наркоту. Ничего сложного и ничего необычного – коррупция в полиции в те годы еще не была искоренена полностью, впрочем, как и сейчас, и это было в силах начальника отдела по расследованию тяжких преступлений, которым на тот момент являлся Аролдо. Он недолго размышлял, взвешивая все возможные риски, и взял предложенные деньги. Все прошло гладко. Конечно, в департаменте были удивлены пропажей веских улик и доказательств, но такое случалось и раньше. Наркотогровца отпустили, дело закрыли, все были довольны и счастливы. В принципе и все. Но... спустя пару месяцев, Паола пошла в автомагазин «BMW» и прикупила себе за наличные новенький «530» в «М» комплектации. Это очень крутой автомобиль, особенно для жены европейского полицейского, пусть и начальника отдела. Естественно, об этом приобретении вскоре узнало начальство Аролдо. Возникли вопросы, откуда у его жены такие деньги? Рассказанная им административной полицейской комиссии история про наследство никого не убедила, короче говоря, все вскрылось. Начальство долго думало, какое наказание присудить Аролдо? С одной стороны, долголетняя безупречная служба, с другой – акт неприкрытой

коррупции. В конечном счете, за детектива вступился лично заместитель министра внутренних дел, который хорошо к нему относился, и напомнил всем, что благодаря Аролдо был пойман особо опасный преступник, на счету которого было двадцать семь убийств. В итоге, Аролдо присудили наказание в виде ссылки в его родной Парилон на освободившуюся должность комиссара полиции города. Аролдо собрал свои немногочисленные вещи, сказал жене, что она клиническая идиотка и через несколько дней сидел в кожаном кресле своего личного кабинета в центральном департаменте полиции Парилона.

Звон колокола на башне старинной церкви поставил точку в воскресной мессе, и в этот же момент из храма вышел Джорджио, держа за руку свою дочь. Он быстро пошел в сторону парковки, где оставил свой огромный оттюнингованный пикап «Toyota Tundra». Катарина шла чуть позади, потому что не успевала на каблуках бежать за мужем. Аролдо увидел своих друзей и крикнул в их сторону:

– Джорджио! Джордж!

Джорджио обернулся и, увидев Аролдо, пошел к нему, все так же, не выпуская из ладони руку Милисы. Катарина на ходу, в знак приветствия помахала Аролдо рукой и тоже пошла в его сторону. Встретившись, все обнялись и расцеловались, как было принято на юге Франглии.

– Ну, как проповедь? – с улыбкой спросил Аролдо.

– Да ну его! Совсем спятил! – резко и со злостью ответил

Джорджио.

Аролдо еще больше заулыбался, потому что когда Джорджио злился, это было скорее смешно, чем страшно, по крайней мере, для Аролдо. Чего нельзя было сказать о работах винодельни Джорджио, которые естественно побаивались плохого настроения своего босса.

Аролдо сквозь смех спросил:

– Кто спятил? Габриэль?

Милиса решила вставить свои пять копеек в этот разговор и весело, на высокой ноте ответила:

– Святой отец, ну, дядя Габриэль, рассказывал о толерантности и любви ко всем вокруг, а отцу это не понравилось!

Джорджио сурово посмотрел на дочь, но поскольку он ее очень любил, то максимально, как ему казалось, сдержанно произнес:

– Нет! Милиса! Он говорил, вернее, намекал, о любви к педикам всяким!

Тут уже не выдержала Катарина, которая до этого еще не успела ничего сказать. И не то, что бы ее смутило слово «педик», но ей показалось, что это слово делало ее мужа совсем неприличным, и она громко сказала:

– Господи, Джорджи, что ты несешь? Он просто говорил о смирении!

Эта фраза еще больше раззадорила Джорджио, он полагал, что жена, как ей и положено, поддержит мужа, но она высказала свое мнение, которое не совпадало с мнением Джор-

джио, который теперь почти перешел на крик:

– Нет! Он говорил именно о педиках этих чертовых!

Аролдо решил успокоить своего друга:

– Джорджи, не кричи, спокойно. Ты просто не современен. Надо быть более толерантным. Ну, а Гэба можно понять. Он пытается как-то оправдаться за Калисто.

– Поздно оправдываться, брат. Поздно. Его сын болен! И его надо лечить! – ответил Джорджио.

– Ну, тебе лично этот парень мешает? – продолжил разговор Аролдо.

Джорджио не нашелся, что на это ответить, и посмотрел на жену и дочь, надеясь найти в них поддержку.

– Я думаю, что Каллисто скоро уедет отсюда, – сказал Аролдо.

– Куда интересно? – раздраженно переспросил Джорджио.

– В столицу, куда же еще. В мир гламура и бесконечной феерии. Что ему делать в нашей дыре?

– Угу. В мир порока! И содомии! Там ему и место! А Габриэль рассказывает нам, что так и должно быть!

Неожиданно в разговор двух мужчин вмешалась Милиса:

– Я тоже хочу уехать. Там жизнь, а здесь, что тоска!

– Пока я жив, ты никуда не поедешь! Твоя жизнь здесь! – прикрикнул на нее Джорджио.

– Но, я тоже хочу радости, веселья!

– Замолчи! Жизнь состоит не только из радости и веселья!

Надо работать и приносить пользу обществу!

Катарина решила прекратить эту дискуссию:

– Ну ладно, хватит вам пререкаяться. Аролдо, приходи сегодня вечером к нам!

– Спасибо. Я приду. – Аролдо обнял на прощание Джорджио, поцеловал Катарину и Милису, и семейство двинулось в сторону своего автомобиля.

– Эй, брат! – крикнул вдогонку Аролдо.

Джорджио обернулся:

– Что?

– Ты на 300 евро штрафов накатыл!

– Удали их из базы!

– Два кувшина вина!

– Хорошо!

Аролдо улыбнулся и сел в свою полицейскую машину.

Эпизод 3

Сын Габриэля Каллисто, которому два месяца назад исполнилось 20 лет, сидел в своей комнате на стуле, покрытом каким-то идиотским искусственным мехом с розовым оттенком, и заканчивал накладывать макияж. В отражении гримерного зеркала, с вкрученными в раму лампочками, на Каллисто смотрела красивая, дерзкая молодая девушка с длинными светлыми волосами. Единственная деталь, которая не соответствовала образу девушки – небольшой кадык, который страшно раздражал Каллисто. Для того, что бы его скрыть, парень обматывал шею тонкими шарфами или надевал увесистые аксессуары в виде обручей и ошейников, которые придавали ему еще большей вызывающей сексуальности.

Каллисто встал со стула и отошел на пару шагов от зеркала. На нем было короткое светлое платье, которое обтягивало его субтильную фигуру. Рядом на полу стояли туфли с высокими до неприличия каблуками, такие в народе называют «блядоходами», ими он собирался дополнить свой образ, а закончить аккуратным клатчем с шильдиком «Versace», правда, купленным на китайском сайте.

Он выглядел как настоящая девушка, собравшаяся на вечеринку, которая явно закончится сексом. Каллисто смотрел в зеркало и нравился самому себе, единственное, что его

расстраивало – полное отсутствие груди. Но он не отчаивался и буквально по центу копил деньги на операцию по смене пола.

Каллисто не был гомосексуалистом. Эти считают себя мужиками, которые просто трахают других мужиков. Каллисто считал себя настоящей женщиной, заключенной в мужское тело. В принципе, абсолютно стандартная формулировка, оправдывающая свое поведение у таких личностей. Но современная психиатрия не считает это душевным расстройством. Вот раздвоение личности, или, по-научному диссоциативное расстройство, является заболеванием, неподдающимся лечению. А явление, когда парень считает себя девушкой, в наше время стало абсолютно нормальным. От своего душевного состояния Каллисто страдал, но этим же и эпатировал, став звездой местного масштаба и желанным гостем на любой молодежной тусовке или тематической вечеринке. Его не интересовали девушки как сексуальные партнеры, хотя у него и был такой опыт. С девушками он просто дружил. И большинство девушек в городе, водившие с ним дружбу или хотя бы просто знакомство, пребывали от него в бешеном восторге, тем более что Каллисто работал визажистом в салоне красоты и попасть к нему можно только по предварительной записи. К слову сказать, свое дело он знал отлично. Любую уродину он мог за пару часов и небольшую сумму денег превратить в сексуальную красавицу.

Когда именно Каллисто превратился в девушку не мог

сказать даже он сам. Никаких психологических травм с ним не происходило, его никто не насиловал в детстве, отец его воспитывал, как и полагается мальчику, правда с излишним религиозным оттенком, но это нормально для семьи священника. Однако, по неизвестной причине, в пятнадцать лет осознанность мальчика в Каллисто выключилась и включилась осознанность девочки. Его стали интересовать все возможные женские штучки. Макияж, прически, одежда, аксессуары и конечно мужчины. Сначала Каллисто это скрывал, но долго таить свое состояние он не мог, да и окружающим было все очевидно и предельно понятно. Когда Каллисто признался отцу, что он считает себя девушкой Габриэль естественно пришел в дикую ярость, не свойственную священнику. Отец Габриэль показывал сына врачам, но те разводили руками, и говорили, что с этим ничего поделать нельзя. Лекарств от этого нет. Надо принять Каллисто таким, каким он есть, тем более что сама церковь теперь требует относиться к гомосексуалистам с деликатностью и уважением. Слава Богу, что синод из двух сотен епископов еще в 2014 году не принял документ, за который ратовал папа римский Франциск. В этой бумаге говорилось о возможности Римско – католической церкви признать и разрешить однополые браки, так как их уже признали другие ветви христианства. В итоге, католики лишь признали факт существования гомосексуализма.

Тем не менее, отцу Габриэлю приходилось все время как-

то оправдываться за своего сына, внезапно ставшего дочерью, перед паствой, которая в основном состояла из людей среднего и старшего возраста, воспитанных на традиционных христианских принципах.

Каллисто надел туфли, еще раз с восхищением посмотрел на себя в зеркало и вышел из комнаты. Он спустился по лестнице в холл, где прибиралась домработница Роза, пожилая женщина, которая работала в доме Габриэля еще при его родителях. Увидев Каллисто, она прикрыла рукой рот. Каждый раз, видя его в образе среднестатистической шлюхи, она испытывала неподдельный ужас.

– Роза, я ушла. Когда вернусь, не знаю, жизнь такая непредсказуемая! – нарочито игриво сказал Каллисто.

– Боже мой! Каллисто! Ну как же так можно? Ты все-таки мальчик! – воскликнула женщина.

– Роза, моя милая Роза, то, что я родился мальчиком, это ошибка природы! Пойми же меня, наконец, моя любимая бабушка – сказал Каллисто, подошел и обнял Розу.

– Твой отец очень огорчен из – за тебя.

– Перестань, я ему не нужен, его интересует только его Христос!

– Побойся Бога, Каллисто! Что ты говоришь? Отец тебя любит!

– Если бы любил, принял меня таким, какой я есть! – резко ответил Каллисто и выпустил Розу из объятий.

Роза ничего не смогла ответить, а только взглядом прово-

дила Каллисто и, когда он закрыл за собой тяжелую деревянную дверь, со старушечьим вздохом, села на диван.

Эпизод 4

Каллисто шел по залитой солнцем улице и, проходя мимо витрин магазинов, оборачивался на свое отражение. Он получал удовольствие от вида девушки, идущей параллельно с ним. Случайные прохожие, которых было немного, так как был день и всюю шла сиеста, даже не смотрели в сторону андрогена. Лишь пройдя мимо небольшого открытого кафе, Каллисто ощутил на себе взгляды двух мужчин лет тридцати, которые что – то сказали про его ноги и задницу, но так и остались сидеть за своим столиком допивать пиво.

Каллисто остановился на перекрестке с rue de Breuit, посмотрел по сторонам и заметил припаркованную старую «Peugeot», в которой сидели два молодых парня. Они, естественно, тоже посмотрели на Каллисто, которому нравилось, что на него обращают внимание мужчины.

– Оу, оу, оу! Ты глянь, какая телочка! Охренеть! – почти закричал от вида Каллисто один из парней.

Этим парнем был Дэни. Он приехал во Франглию пятнадцать лет назад из Ливана. Его отец, бывший военный, получил политическое убежище, и вся семья переехала в Париж. Дэни учился в местной школе, а закончив ее, начал работать в небольшой автомастерской. Он настолько ассимилировался, что ничем не отличался от своих друзей, у него даже не было акцента, а свой родной Бейрут он помнил лишь

по рассказам отца.

– Поехали за ней! Блин, спорим, она будет моей! – продолжал выкрикивать Дэни.

– Ты чего, амиго! Совсем спятил? – спросил его друг Вито.

– А что такого? Поехали, тебе говорю, догоним! Такая задница!

Вито рассмеялся.

– Да хрена ты ржешь? Поехали! – требовал Дэни.

– Ты чего не знаешь, кто это? – сквозь смех спросил Вито.

– Нет!

– Амиго, это Каллисто, сын пастора!

– Ты гонишь!

– Нет, амиго, я говорю тебе как есть. Это Каллисто, он учился с нами в школе, на два класса младше.

– Это такой тощий был, на девчонку похож?

– Ну, да был похож. А теперь совсем стал бабой.

– Он что себе член отрезал?

– Ну, это я не знаю.

– Поехали, узнаем. Все равно скукота!

– Никуда я не поеду!

– Да, брось ты, ну был парнем, стал девчонкой! И что теперь?

– Амиго, ты спятил! Он не телка! Он парень! Парень с яйцами и членом!

– Ну и что? Выглядит то он круто! Можно вдуть!

– Вдуть??? Ты педик? Ты, мать твою, педик??? Может, ты и у меня отсосать хочешь?

– Ну... Такое иногда случается между друзьями. Ничего страшного в этом нет – пошутил Дэни – он слышал эту фразу в старом французском фильме «Вальсирующие» с Жераром Депардье и Патриком Дэвером в главных ролях.

– Пошел отсюда! – закричал на своего друга Вито.

– Чего?

– Пошел, говорю, вон из моей машины!

Дэни, сильно хлопнув дверью, вышел из машины и быстрым шагом пошел за удаляющимся от него Каллисто, оставив Вито скучать в одиночестве.

Эпизод 5

Габриэль сидел в своем небольшом рабочем кабинете в храме, и работал с какими – то финансовыми бумагами. Последнее время с деньгами становилось все хуже и хуже. И, если бы не ежемесячное пожертвование на храм в виде трех тысяч евро, которое делал Джорджио, возможно Габриэлю пришлось бы просить епископа увеличить выплаты из епархиального бюджета, чего Габриэль делать совершенно не хотел, чтоб лишний раз не попадаться на глаза начальству, которое было в курсе проблемы в семье пастора.

Напротив стола, за которым работал Габриэль, на стене висел телевизор, из которого вещал невнятный человек в очках, представленный как психиатр.

– Понимаете, сейчас в наше время, абсолютно все равно кто надевает эти кольца. Мужчина и женщина, мужчина и женщина, женщина и женщина, все равно. Ведь главное это то, что эти кольца, как символ, соединяют два любящих сердца. – В руках этот господин крутил два золотых колечка, и продолжал свое выступление – Любовь, или, если хотите, страсть, не имеет гендерной принадлежности. Мы живем в двадцать первом веке, меняются ритмы, вкусы, жизнь развивается, и мы должны следовать этому развитию, следовать прогрессу! В том числе и прогрессу в отношении людей.

– Ну, а как же библейские законы? – спросила умника ве-

душая передачи, эффектная блондинка.

– Да что Вы! Ну, какая Библия! Это устаревшая философия, устаревшая мораль, не имеющая ничего общего с современной жизнью!

Габриэль взял пульт от телевизора и выключил его. Встал из – за стола, подошел к старинному шкафу, достал из него уже когда – то открытую бутылку вина, подарок Джорджио, зубами вытянул пробку, прямо из горлышка выпил все одним большим глотком и с тоской произнес:

– Господи. Они сами не знают что творят.

Кем были упомянутые Габриэлем «они» он и сам не знал. Но отчетливо понимал, что не успевает воспринимать стремительно изменяющуюся действительность.

Эпизод 6

Тем временем, Дэни догнал Каллисто, который остановился у витрины ювелирного магазина и рассматривал блестящие на солнце украшения.

– Нравится? – спросил Дэни.

– Да. Нравится – ответил Каллисто.

– Я тебя раньше не видел в городе. Ты недавно приехала?

– Да, как сказать. Не совсем...

– Я Дэни! – парень протянул руку, Каллисто ответил взаимностью и протянул свою ладонь.

– А я Каллисто.

– Необычное имя. Такое имя может быть и у девушки, и у парня.

– Да уж это точно!

– Слушай, может, сходим куда-нибудь?

– А куда?

– Ну, не знаю... Может в кино или еще куда...

– Ну, вот как придумаешь куда, обязательно сходим – кокетливо ответил Каллисто.

В этот момент беседу молодых людей прервал рядом остановившийся полицейский автомобиль, за рулем которого сидел Аролдо. Он окликнул Каллисто:

– Эй, Каллисто! Иди сюда. Садись в машину.

– Это кажется комиссар? – спросил Дэни, взглядываясь

внутри автомобиля.

– Да – с тревогой в голосе ответил Каллисто.

– Ты его знаешь?

– Да, знаю.

Каллисто достал из сумочки бумажку и ручку и быстро написал номер своего телефона.

– Вот мой номер. Как придумаешь куда сходить, позвони – протянул бумажку Каллисто.

– Каллисто! Долго тебя ждать? – крикнул Аролдо из открытого окна машины.

– Хорошо! Я позвоню! Пока – сказал Дэни.

Каллисто, поправляя прическу, пошел к полицейскому автомобилю. Дэни проводил его заинтересованным взглядом и сам себе, как – бы в подтверждение своих мыслей, произнес:

– Да вроде бы телка...

Эпизод 7

Аролдо медленно вел машину по улице и не знал, как начать разговор. Тихо работала рация, из которой доносились переговоры патрульных экипажей. Каллисто смотрел в окно, ему было явно неловко. Аролдо бросил взгляд на ноги Каллисто, но моментально опомнившись, поморщился и все-таки выдавил из себя:

– Куда идешь?

– На работу.

– На работу? – зачем – то переспросил Аролдо, хотя конечно он прекрасно расслышал слова Каллисто, просто он тянул время.

– Да. А что нельзя? – ответил Каллисто.

– Почему. Можно.

– А в чем проблема тогда, я не поняла?

– «Я понял!»! Ты должен говорить «Я понял!», А не «Я поняла»!

– Комиссар, я говорю так, как хочу! И нет такого закона, который мне запретил бы это!

– Да, закона нет. Но неужели ты не понимаешь, что это ненормально! Так не должно быть! Ты – парень! Понимаешь! Парень, черт возьми! – Аролдо ударил ладонью об руль – Ладно, допустим, у тебя есть тяга к мужчинам, сейчас это вроде как нормально. Но необязательно для этого наря-

жаться как баба! Что о тебе думают люди? Ты знаешь?

– Дядя Аролдо! Обо мне никто ничего не думает! Все живут своей жизнью. Все заняты потреблением! Им не до меня.

– Хорошо. Тебе все равно, что думают о тебе. Но, подумай о своем отце! Что думают люди о нем? И как к нему относятся из-за тебя? А он, между прочим, публичный человек.

– А при чем тут мой отец? Он сам по себе, я сама по себе! Дети не в ответе за родителей!

– Родители в ответе! Ты делаешь его несчастным! Неужели ты это не понимаешь?

На эту фразу Каллисто не мог ничего ответить, поскольку понимал, что своим поведением он подставлял отца. Он отвернулся и продолжил созерцать пейзаж родного города.

– Молчишь. Значит, что-то в тебе еще противоречит себе самому. Какие – то остатки разума заставляют тебя задуматься, о том, что с тобой не все в порядке! – продолжал рассуждать Аролдо.

Каллисто повернулся к комиссару и произнес:

– Остановите машину. Вы не понимаете.

– Что я не понимаю? Что ты бытовой хулиган?

Автомобиль остановился, Каллисто открыл дверь и, не выходя из машины, ответил Аролдо:

– Может и хулиган! Но мне так хорошо! Мне хорошо! Это Вы можете понять? А отца я ненавижу!

– За что?

– За то, что он всю жизнь мне все запрещал! Не делай

этого! Не делай того! С этим не дружи! А это не богоугодно! Мне его проповеди и богоугодность вот уже где! Наелся! – Каллисто провел рукой над своей головой, показывая, что он как – бы утонул в отцовских нравоучениях.

– И все? За это ты его ненавидишь? За то, что он объяснил тебе, что хорошо, а что плохо? – спросил Аролдо.

– Нет – подумав, сказал Каллисто. – За то, что он ни разу в жизни не сказал мне: Сынок, я тебя люблю!

Каллисто вышел из машины и сильно хлопнул дверью. Аролдо смотрел ему в след и не верил своим глазам! Каллисто шел абсолютно девичьей походкой, из-за приема гормональных препаратов его фигура уже почти полностью превратилась в женскую. Если бы Аролдо не знал, что это парень, и к тому же сын его друга, то он, возможно, познакомился бы с этой, виляющей задом, блондинкой. От этой мысли полицейского немного передернуло, и он крикнул вслед удаляющемуся Каллисто:

– Ты хотя бы одевался поприличнее!

– Я Вам нравлюсь, а, комиссар? – с нарочито пошлым кокетством ответил парень.

– Идиот! Я тебя с детства знаю! Тебя лечить надо! Псих!

Аролдо резко нажал на газ и полицейская «ALFA», оставляя клубы пыли и черные следы от покрышек на асфальте, с визгом уехала дальше по улице.

Эпизод 8

Во дворе своей старинной семейной виллы, построенной прадедом Джорджио в классическом средиземноморском стиле около ста лет назад, на шикарном каменном мангале, одетый в ковбойскую клетчатую рубашку, при свете садовых фонариков, жарил мясо Джорджио. Он пребывал не в лучшем настроении, потому, что не очень хотел видеть Габриэля. Будучи истинным католиком и, по собственному заявлению, хранителем христианской веры и традиций, Джорджио сомневался в словах о терпимости и толерантности, которые последнее время он все чаще слышал от своего друга. Регулярно обращаясь к Библии, Джорджио не находил там слов, подтверждающих, что можно терпеть сексуальные извращения.

Чуть подальше мангала, на отдельно стоящем патио Катарина накрывала стол, тщательно протирая каждый бокал, каждую вилочку бумажной салфеткой. Джорджио посмотрел на жену. В свои сорок лет Катарина была просто сногшибательна – среднего роста, с темными густыми волосами средней длины, тонкими ногами, тонкой талией, круглой попой и достаточно объемной грудью. Она не была очень умной, но надо ли это женщине при всех других ее качествах? Зато она была прекрасной хозяйкой, женой и мамой. Не смотря на то, что Джорджио был с ней довольно строг, а иногда и груб, он

ее очень любил и ни разу в жизни ей не изменил.

– Ты сегодня очень красивая! – отвесил комплимент Джорджио.

– Спасибо, дорогой! А тебе очень идет эта рубашка! – ответила Катарина.

В это время скрипнула тяжелая кованая калитка и во двор вошли Аролдо с букетом цветов для хозяйки и Габриэль. Оба они были одеты «по – гражданке».

– Джорджио, Катарина! Привет! – крикнул Аролдо.

– Привет ребята! Проходите! – ответила Катарина.

Джорджио отвлекся от мяса, недовольно посмотрел на Габриэля и процедил сквозь зубы:

– Привет.

– Джорджи, ты что – то не очень-то рад нас видеть? – поинтересовался Аролдо.

– Все в порядке.

– Ну, я же вижу по твоему лицу, что ты недоволен чем – то?

– Он сосредоточен на мясе, боится, что подгорит – нашла что сказать Катарина.

– Я не сосредоточен на мясе! У меня никогда не пригорает мясо! Потому что я умею его готовить! – раздраженно сказал Джорджио и перевернул на решетке куски сочной говядины.

– Джорджио просто не рад, что и я пришел – произнес Габриэль.

– Да что ты! Он очень рад! – Катарина попыталась разря-

дить обстановку.

На что Джорджио накинулся на жену:

– Слушай, Катарина, хватит за меня все решать! Всю жизнь не даешь мне слово сказать! Я рад видеть своего друга! Но, я не рад, что мой друг детства сошел с ума и несет всякую ересь!

– Я, пожалуй, пойду – сказал Габриэль и приготовился уже пойти обратно, но Катарина бросила на стол вилки, которые еще не дотерла и резко сказала:

– Джорджио! Извинись перед человеком, немедленно!

Джорджио понял, что перегнул палку и с интонацией отруганного ребенка пробубнил:

– Извини Гэб. Садитесь за стол.

Аролдо который все это время держал в руках букет, наконец – то смог вручить его Катарине:

– Это тебе! – Аролдо подарил женщине букет и поцеловал ее в щечку – Джорджио запретил покупать нам что-либо к столу из еды, но про цветы он ничего не говорил!

– Спасибо! Они очень красивые! – ответила Катарина.

Все, кроме Джорджио, который продолжал жарить мясо, сели за стол. Аролдо сразу же потянулся за бутылкой вина и принялся разливать его по бокалам. Джорджио сложил поджаренные куски мяса на огромное блюдо и, еще дымящиеся и шкварчащие, подал на стол. Аролдо большим глотком выпил вино и начал беседу:

– Джорджо, я сделал, то, что ты просил.

– Что? – удивился хозяин дома.

– Ты же просил меня удалить твои штрафы из базы?

– О! Ты удалил их?

– Да.

– Вот спасибо! – на этих словах Джорджио взял бутылку и разлил все еще вина.

– Спасибо? – хитро спросил Аролдо.

– А!!! Да! Сейчас принесу! – вспомнил Джорджио и сразу вышел из – за стола, на ходу вытирая руки полотенцем.

Аролдо подождал пока Джорджио скроется в доме, и обратился к Габриэлю, который резал стейк на маленькие кусочки.

– Гэб. Я хочу тебе помочь. Я сегодня видел Каллисто. Ты знаешь, это уже что-то из запредельного. Я видел и говорил с девушкой, и если бы я не знал Каллисто, то никогда бы не поверил, что это парень – сказал Аролдо.

– Чем ты можешь мне помочь? Чем? – спросил Габриэль.

– У меня есть знакомый психиатр. Может быть, он посмотрит Каллисто? Поговорит с ним?

– Ты что, хочешь сказать, что мой сын сумасшедший?

– Я не знаю. Я не врач. Но совершенно очевидно, что парень не может себя так вести. Это противоестественно!

– Он мой сын – сказал Габриэль, положил нож и вилку, протер салфеткой губы и встал из – за стола:

– Я пойду. Мне пора. Спасибо Катарина. И поблагодари от меня Джорджио. Мясо было великолепным!

Аролдо понял, что обидел друга, но не сказать о том, что он сегодня видел, тоже не мог. У него перед глазами до сих пор стоял Каллисто в образе вульгарной девушки. Катарина решила сгладить ситуацию, хотя в душе была согласна с Аролдо, но она очень не любила вот такие неоднозначные ситуации.

– Гэб! Постой, не уходи. Аролдо не хотел тебя обидеть! Он действительно хочет тебе помочь! – пыталась исправить конфликт Катарина.

– Спасибо. Спокойной ночи. Храни Господь! – ответил Габриэль, развернулся и пошел по дорожке в сторону калитки.

Аролдо посмотрел ему в след, потом на Катарину, пожал плечами, вздохнул и стал открывать новую бутылку вина. В это же момент из дома вышел Джорджио, его настроение улучшилось, видимо подействовало вино. В руках у него были две трехлитровые переплетённые соломой бутылки с вином. Джорджио подошел к столу и поставил бутылки.

– Вот. Как обещал! Трехлетнее! Держи! – Джорджио широким жестом руки показал на бутылки.

– Спасибо – расстроенным голосом ответил Аролдо.

Джорджио заметил, что нет Габриэля, он посмотрел по сторонам, полагая, что тот где – то рядом, но никого не увидел.

– Что случилось? И где Гэб? – спросил Джорджио.

– Обиделся и ушел – ответил Аролдо.

– Обиделся? На что?

Аролдо не знал, как ответить, поэтому он просто ел стейк.

Ответила Катарина:

– Аролдо сказал, что Каллисто надо показать психиатру.

– Давно пора! И его самого тоже не мешало бы показать доктору! – весело сказал Джорджио.

– Джорджио, что ты такое говоришь! – возмутилась Катарина.

– Ну что? Что Джорджио? Или ты считаешь, что нормально вот так вот надевать на себя бабские тряпки, и ходить по улице?

– Раньше такое тоже было.

– Да, в клипе группы «Queen»! И в порнухе! По улицам так никто не ходил! Разве не так?

– Да, так. Но времена меняются. Появляются новые тенденции. – Катарина продолжала раздражать своего мужа дальше.

– Чего? Тенденции? Чего ты понимаешь то, дура? Что ты несешь? – Джорджио окончательно завелся – Природа или Бог создал мужчину и женщину, самца и самку! Два противоположных создания, которые должны найти друг друга в мире. Создать пару! Как ботинки! И в этой паре должен быть левый и правый ботинок, а не два правых! Это называется гармония! Гармония, понятно тебе? Надо что-то делать.

– Ну, так сделай что-нибудь! – сказал Аролдо.

– Что я могу... Я всего лишь крестьянин. А ты делаешь

что-то? – спросил у друга Джорджио.

– По мере своих сил я пытаюсь сохранить гармонию.

– Что конкретно ты делаешь?

– Да так. По мелочи. Выпьем? – Аролдо протянул бокал.

Отрывок из дневника Аролдо Берни:

«В тот момент я не знал, что ответить Джорджио, потому что это был не сию секундный вопрос, а глобальный, ответить на который было очень непросто. Когда все это началось? Нет, не перевоплощение отдельно взятого мальчика Каллисто, а все эти странные процессы опрокидывания человеческого сознания, которые стали называться «европейскими ценностями»? Пожалуй, сегодня днем, когда я увидел Каллисто одетого как отельная проститутка, я задумался об этом впервые. Какие такие «европейские ценности»? Что это в итоге значит? Какая ценность в том, что из каждого утюга рассказывают, что педерасты – люди новой формации, за которыми будущее человечества, но не говорят о том, каким будет это будущее, ведь мужская особь человека не способна физиологически забеременеть? Собственно, как и женская особь без мужчины. Это больше похоже на хулиганство, провоцирующие людей на конфликты, потому что есть еще те, кто не согласен с радикальной риторикой «европейских ценностей». Это консерваторы и традиционалисты, неприятные новому сознанию толерантного общества. Получается, что демократические ценности и хулиганство это одно и то же! Ладно, допустим, что сексуальная свобода, это личное де-

ло каждого взрослого человека. Но, причем тут пятилетние дети, которых на полном серьезе взрослые дяди и тети просят определиться со своей половой принадлежностью? Любой нормальный ребенок скажет, что любит всех, и маму, и папу, и дедушку с бабушкой. И ту девочку, и того мальчика, и вон ту собачку! И что теперь, считать этого ребенка маленьким гомосексом и зоофилом, потому что он сказал, что любит всех вокруг? Это бред! Но этот бред, так называемые психологи, посчитают за слова самоопределения этого ребенка! И все! Сделают из него конченого извращенца, с полностью деградированным сознанием, но с четкой персонификацией себя как высочайшей личности с ярко выраженной индивидуальностью!

Мне вспомнился недавний судебный процесс по делу подобного психопата, который под наркотой убил, и затем расчленил свою жену и трехлетнего сына. Судебный процесс продолжался несколько дней, и каждый раз судья входил в зал заседаний и за руку здоровался с этим «индивидуумом», и еще спрашивал, нет ли у него жалоб, и как он себя чувствует! Но, судья не спросил, как себя чувствовали родители убитой женщины! А в итоге сумасшедший убийца не получил ни какого наказания, если не считать принудительного лечения в психиатрической клинике! Он ведь личность! И новые европейские ценности запрещают его казнить, потому что мы все подчинены терпимости! А, между прочим, еще не так давно, в 70-х годах прошлого века убийцам во Фран-

ции отсекали голову при помощи гильотины! Но в наше время убийцу и извращенца будут лечить много лет за счет нормальных людей, за счет их гигантских налогов с маленьких зарплат.

Или во еще пример: зарезать жирафа в зоопарке на глазах у детей, только потому что ему не нашли пару для продолжения рода, потом разделать его тело и скормить еще теплое мясо львам, это что за ценность? Почему тогда власти Дании не убивают мужчин и женщин которые не находят себе пару для размножения, или не хотят находить таковую?

Такие мысли крутились у меня в голове пока я не торопясь шел к себе домой по ночному Парилону. Может это так подействовало вино, которым меня полчаса назад угощал Джорджио? Или то, во что превратился сын моего друга? А может не предавать всему происходящему никакого значения? Ведь кто я такой? Я всего лишь полицейский, который охраняет закон. Пусть там, наверху, решают как правильно, а как нет. С этой догмой я пришел к себе домой, и лучшее, что мог сейчас сделать, это завалиться спать. Потому как в 9.00 я должен быть бодрым и свежим, чтобы заступить на охрану «европейских ценностей».

Эпизод 9

Пока Аролдо пытался заснуть, мучаясь от «вертолетов» и прогоняя тяжелые мысли о жизни, в трех кварталах от его дома по спящему городу шел Дэни. На нем была толстовка с капюшоном, который закрывал его от случайных взглядов. Завидев редких прохожих, Дэни отворачивался или бросался завязывать шнурки, он явно не хотел, чтобы его случайно кто – то узнал. Через пару минут парень вышел на центральную улицу и, пройдя еще метров сто, оказался у ювелирного магазина, где сегодня утром он познакомился с Каллисто. Дэни подошел вплотную к витрине, долго что – то рассматривал и, наконец, среди огромного количества золотых погремусшек, нашел кольцо, которое понравилось Каллисто. Он посмотрел, есть ли камеры наблюдения на стенах магазина. Камер не было. «Вот же лохи!!!» – подумал Дэни и оглянулся по сторонам. Убедился, что его никто не видит, подождал пока проезжающее мимо такси удалится на приличное расстояние, достал из – за пазухи приличного размера булж-ник, отошел на пару шагов и со всего размаху швырнул камень в стеклянную витрину.

Стекло с оглушительным звоном посыпалось на асфальт, усыпав все вокруг мелкими осколками. Сработала сигнализация, заставляя своим невыносимым воем проснуться всех жителей соседних домов. Дэни на мгновение замер в оцепе-

нении – раньше он ничего подобного не совершал, но, во время опомнившись, бросился к разбитой витрине, схватил нужное кольцо и бросился бежать так быстро, как только ему позволяло здоровье! Дэни бежал прочь от магазина и думал – «Как же просто это было проверить! Надо было не одно кольцо брать, а сразу несколько золотых цацек!». Но вернуться назад было бы безумием, впрочем, как и грабить ювелирный. Если бы Дэни знал, что он не просто украл какое то кольцо, а открыл ящик Пандоры или прошел Рубикон, после которого нет пути назад, и впереди его ожидает реальная трагедия, то он ни за что не совершил бы это ограбление. Но, он настолько хотел ближе познакомиться с Каллисто, так сильно был возбужден его стройными ногами, что гормоны просто захлестывали его разум. В эту ночь Дэни не понимал, что заживо лег в гроб, который осталось только накрыть крышкой и закидать землей.

В это же время к своему дому подходил отец Габриэль. После ужина у Джорджио, он еще заходил в храм, в свой кабинет, чтобы закончить волокиту с бумажной работой, и вот, наконец-то он был дома. У Габриэля был небольшой двухэтажный коттедж, купленный еще его отцом в середине семидесятых. Габриэль любил этот дом и никуда не собирался из него переезжать. Ему до сих пор казалось, что во дворе дома его будут встречать отец и мать, хотя с момента их гибели прошло уже почти четверть века. Габриэль считал, что продав этот дом, в котором еще сохранилось много вещей

его родителей, он совершит предательство по отношению к ним. Габриэль открыл тяжелую входную деревянную дверь с красивыми витражами из разноцветных стекол, и оказался в холле. Перед включенным телевизором, по которому шел какой – то слезливо-дурацкий сериал, спала домработница Роза. Габриэль решил ее не будить, но Роза проснулась от звука его шагов.

– Добрый вечер Габриэль – поздоровалась Роза. Несмотря на то, что она знала Габриэля с детства и в то время обращалась к нему на «ты», после гибели его родителей она стала обращаться к Габриэлю почтено вежливо, как и положено прислуге, хотя Габриэль на этом не настаивал.

– Добрый вечер, Роза – ответил Габриэль.

– Вам письмо.

– Письмо?

– Да, настоящее, бумажное письмо в конверте! Его привез какой-то молодой человек. Священник.

– Священник... Понятно...

Роза подошла к небольшому комоду и взяла с него настоящее бумажное письмо.

– Вот оно! – она протянула письмо Габриэлю.

Габриэль покрутил в руках конверт, на котором было изображение какого – то храма и запечатано оно было большой печатью из сургуча.

– Это из епархии письмо. Наверно епископ приглашает. Каллисто дома?

– Нет. Он днем ушел. Когда вернется – не сказал. Ужинать будете?

– Нет. Благодарю. Я пойду к себе.

Габриэль пошел по лестнице, в пролете которой висели картины его отца, к себе в комнату на второй этаж. Роза проводила Габриэля сочувствующим взглядом и вернулась к телевизору, досматривать сериал.

Эпизод 10

Мобильный телефон разрывался от звонка уже целую минуту, но у Аролдо не было ни сил, ни желания оторваться от подушки. В итоге он сделал невероятное усилие над собой и, преодолевая тяжелое похмелье, прибившее его к кровати, протянул руку к звонящему смартфону. Звонил дежурный офицер криминальной полиции.

– Слушаю – ответил Аролдо.

– Доброе утро господин комиссар! – радостно поприветствовал начальство мужской голос.

– Который час?

– Половина пятого, господин комиссар!

– Что случилось?

– Ограбление ювелирного магазина на avenue Ernest Renan!

– И что?

– Оперативная группа уже на месте преступления, ждут Вас, господин комиссар.

– Зачем? Это просто ограбление магазина!

– Этот магазин принадлежит сербской общине. Могут возникнуть проблемы.

– А... Сербская мафия... Хорошо я собираюсь, скоро буду.

Аролдо нажал отбой и свалился обратно на подушку. Как

всегда похмелье было страшным, не смотря на то, что выпито было не так много вина. Болела голова, подташнивало, бросало то в жар, то в холод, одолевала дикая слабость. Аролдо страдал от выпивки всю жизнь, и неважно сколько он выпивал и что он пил. Вино, виски, текила, водка и иногда даже пиво заставляли его мучиться еще два дня после застолья. Виной этому была нехватка ферментов отвечающих за расщепление алкоголя. Обычно Аролдо сопровождал прием алкоголя несколькими таблетками «Panzinorm», но в этот раз у него их не оказалось, и он, в ужасном состоянии, еле передвигая ноги, пошел к своей машине. Через 10 минут «Peugeot» Аролдо остановился рядом с местом ночного ограбления. Комиссар вышел из машины и подошел к магазину, возле которого собралась небольшая толпа зевак.

Накачанный парень полицейский задавал вопросы пожилому седому мужчине в дорогом костюме, такая же накачанная девушка полицейский что – то записывала на бумаге. Неподалеку эксперт – криминалист и кинолог с немецкой овчаркой о чем-то беседовали и, судя по улыбкам на их лицах, явно не об ограблении.

– Доброе утро всем – сказал Аролдо, подойдя к вплотную к своим сотрудникам.

– Доброе утро, господин комиссар! – ответили парень и девушка полицейские.

– Ну, что тут случилось? Что пропало?

Парень полицейский был старше по званию и поэтому от-

ветил первым:

– Хозяин магазина, Братислав Кандич, утверждает, что пропало только одно кольцо.

– Дорогое? – спросил Аролдо.

– Не очень, 78 евро – ответил хриплым голосом хозяин магазина.

– Что – то еще пропало? – поинтересовался Аролдо менторным тоном.

– Вроде больше ничего. Стекло только вот разбили – жаловался Братислав.

– Допустим это еще 200 – 300 евро. И что? Вы из-за 400 евро вызвали полицию? – не сбавляя тон, продолжал Аролдо.

– Не понял Вас, комиссар? – очень удивился старик.

– Вы знаете, сколько стоит выезд полицейского наряда, с криминалистом, с кинологом и с собакой?

– Нет. Но, позвольте спросить, почему это должно меня интересовать?

– Да потому что у тебя, старик, кольцо украли, а где – то действительно ждут полицию, может где – то убивают человека! Понятно говорю?

– Не совсем, господин комиссар!

– Звоните в страховую кампанию господин Кандич, пусть возмещают ущерб. А мы уезжаем.

– То есть, как это уезжаете?

– А вот так. Мы свою работу сделали. Все ребята, поеха-

ли! – скомандовал полицейским Аролдо.

– Это самоуправство! Я буду жаловаться! – прокричал ювелир.

– Жаловаться? Кому? – со смешком спросил Аролдо.

– Вашему начальству!

Вдруг Аролдо начал смеяться, но это было какое – то не хорошее веселье, оно больше походило на истерику. От смеха у него даже заслезились глаза, и начался кашель. Все кто был рядом, включая полицейскую собаку, одетую в черную разгрузку с надписью «POLICE», смотрели на комиссара и не знали что делать. Девушка полицейский принесла из патрульной машины бутылку с водой и протянула ее Аролдо.

– Господин комиссар, выпейте, пожалуйста! – она протянула бутылку комиссару.

Аролдо взял бутылку и сделал большой глоток воды, затем откашлялся, успокоился и достал из кармана пиджака фотографию.

– Господин Кандич, подойти, посмотрите эту фотографию! – сказал Аролдо.

Кандич подошел к Аролдо и взял у него из руки фотографию. На ней была пожилая страшная женщина в ужасном фиолетовом платье, и ужасной шляпе такого же цвета с бокалам непонятного пойма.

– Зачем Вы мне показываете эту пожилую даму? – спросил Кандич.

– Это новый начальник управления полиции региона Ча-

поли. И он не дама, он трансвестит! – уже почти спокойным голосом ответил Аролдо, и добавил: – Жалуйтесь! Все, пошли ребята.

Комиссар и все остальные полицейские пошли к своим машинам. А Кандич так и остался стоять с фотографией трансвестита в руках возле разбитой витрины своего магазина.

– Господин комиссар, разрешите вопрос? – обратился на ходу парень полицейский.

– Разрешаю. – Аролдо остановился.

– Это правда, что на фотографии новый начальник?

– Да. Вчера назначили.

– Не может быть! Я не верю! Они там что, совсем рехнулись?

– Не знаю. Но я был бы рад, если бы начальником назначили хотя бы его! – Аролдо показал на полицейского пса, который внимательно слушал комиссара – Толку точно было бы больше!

Аролдо потрепал собаку за голову, присел рядом и дал псу попить, выливая воду себе в ладонь.

– Комиссар, возьмите нас к себе в криминальную полицию! С Вами интересно. Вы какой-то настоящий – сказал парень полицейский.

– Что значит настоящий? – переспросил Аролдо.

– Настоящий полицейский, когда надо жесткий, когда надо справедливый, Вы – адекватный человек.

– Тебя как зовут?

– Больдосаро. Что означает – защитник короля! На этих словах внушительные бицепсы Больдосаро показались Аролдо еще больше.

– А я Белиза!

Аролдо только сейчас заметил, что Белиза тоже нереально раскачена, и ее спина была явно шире, чем у него.

– Я запомню. А ты точно девушка, а то я в последнее время такого насмотрелся? – спросил Аролдо у Белизы.

– Она моя сестра, господин комиссар! – ответил Больдосаро.

– Обалдеть! Ладно. Я попробую вас перевести в криминальную полицию! Поехали отсюда.

Аролдо пошел к своему «PEUGEOT», размышляя о том, куда ему ехать. Домой, что бы еще пару часиков поспать, или все же на работу? Или попробовать где-нибудь позавтракать? Но алкогольная абстиненция никак не позволяла ему сосредоточиться на таких примитивных мыслях.

Эпизод 11

В 10 утра в салоне красоты «Ron Mari», где работал Каллисто, народу почти никогда не было, поэтому попасть на стрижку к Каллисто было достаточно легко, чем и воспользовалась Милиса. Каллисто был виртуозным стилистом, конечно по местным меркам. Делать женщин красивыми он нигде толком не учился, если не считать двух месячных курсов парикмахеров. Но, женские стрижки, маникюр и мэйк-ап были его призванием, и его клиентами были весьма уважаемые в городе дамы. Даже жена мэра, по особо торжественным поводам, пользовалась его услугами.

И вот уже целый час Каллисто создавал очередной шедевр фэшн-индустрии на голове у Милисы.

– Ты стилист от Бога! Как ты умеешь сделать так, чтоб всем понравилось? – восхищалась работой мастера Милиса.

– Это во мне еще не до конца умерло мужское начало! – весело и кокетливо, как полагается молодой девушке ответил Каллисто, и сам задал вопрос:

– Так ты идешь работать в социальную службу?

– Да. Но я не очень хочу туда идти, просто в больнице нет мест, вот дядя Аролдо меня и устроил на эту работу.

Милиса недавно закончила обучение на медсестру, потому что Джорджио хотел, чтобы в семье был свой медработник, причем желательно врач, так как старость не за горами.

А иметь врача родственника это серьезная экономия времени и денег. Но старания в учебе не были козырем Милисы, поэтому семья согласилась и на медсестру, которая впоследствии может выйти замуж за врача.

Каллисто довольно посмотрел на прическу, которую он почти закончил и сказал:

– А я хочу уехать отсюда. Денег заработаю и свалю.

– Я бы тоже уехала. Но отец меня не отпустит...

– При чем тут отец? Это твоя жизнь! Только ты можешь решать, как тебе жить! Только ты вправе распоряжаться своей жизнью! Будешь вечно кого-то слушать, проживешь их жизнь, но не свою!

– А ты так живешь?

– Посмотри на меня! Я так живу!

Милиса посмотрела в зеркало. В отражении она видела шикарную девушку Каллисто, в которой все было восхитительно, сексуально, грациозно!

– Вообще у меня есть мечта – продолжал беседу Каллисто.

– Какая?

– Я хочу накопить денег и сделать операцию по смене пола!

– Зачем тебе это?

– Тебе просто говорить. Ты родилась девочкой. А я нет. Больше всего на свете я хочу семью. Иметь детей. Быть любимой. Но это мне не суждено... Знаешь, что я ненавижу больше всего на свете?

– Нет.

– Свой член! – с какой – то дикой злостью и дерзостью сказал Каллисто.

Милица даже подумала, что он сейчас схватит опасную бритву, которая была как раз рядом, и оскопит себя прямо здесь. Но, слава Богу, этого не произошло, и Каллисто взял баллончик с лаком для волос и закончил укладку прически Милицы.

Эпизод 12

Габриэль, одетый в черную сутану с идеально белой колораткой, ехал за рулем своей старой «Citroën XANTIA» по boulevard Rocheplatte в сторону загорода и размышлял о том, зачем его пригласили официальным письмом в епархию. Верховный архиепископ не приглашает к себе в резиденцию побеседовать о пустяках обыкновенного пресвитера вроде Габриэля, особенно вне церковных праздников. Значит, разговор будет очень не простым и Габриэль понимал, что, скорее всего, в митрополии узнали о не совсем стандартном поведении его сына Каллисто. Мысли Габриэля прервала полицейская сирена автомобиля, догонявшего его. Он посмотрел в зеркало заднего вида и увидел знакомый «PEUGEOT 607» за рулем которого был Аролдо. Раньше это был патрульный автомобиль, но из – за возраста его списали и Аролдо выкупил машину за тысячу евро у департамента полиции. Полицейскую раскраску, конечно, пришлось убрать с бортов автомобиля, а «крякалку» и громкоговоритель Аролдо оставил, пользуясь своим служебным положением.

– Водитель автомобиля «Citroën» 279 прижмитесь к обочине! – раздался голос Аролдо из громкоговорителя, он решил разыграть друга.

Габриэль впервые за несколько дней улыбнулся и свернул

к обочине. «PEUGEOT» тоже остановилась, Аролдо вышел из машины, достал пистолет, полицейский жетон и пошел к автомобилю Габриэля.

– Полиция Парилона! – показывая свой жетон, сказал Аролдо. И продолжил: – Оружие, наркотики, запрещенные предметы есть?

– Нет, господин комиссар, я же священник!

– Выйдите из машины и откройте багажник!

Габриэль открыл дверь и вышел из машины.

– Привет, Гэб. – закончил играть Аролдо и пожал руку Габриэлю.

– Привет. Хороший розыгрыш! Даже люди оборачиваются!

Аролдо посмотрел по сторонам, и действительно заметил, что прохожие останавливаются и смотрят на то, как мужик в штатском размахивает пистолетом перед священником.

– Все хорошо граждане, расходимся! Я комиссар полиции, а это мой друг! – Аролдо убрал пистолет в кобуру, и народ, убедившись, что ничего интересного не будет, стал расходиться по своим делам.

– Куда едешь? – спросил Аролдо.

– В епархию вызывают.

– Что-то случилось?

– Не знаю. Но, просто так к начальству не вызывают, ты же знаешь.

– Ну да, знаю. Это из-за Каллисто тебя вызывают.

– Ты думаешь?

– Старик! Ну, открой ты глаза, наконец! – Аролдо повысил градус разговора. – Твой сын ходит по улице одетый как дешевая шлюха, а ты удивляешься, что тебя вызывают на ковер! Гэб, все зашло слишком далеко! Ты это понимаешь?

– Понимаю! Но что мне делать???

– Пороть надо было в детстве! А сейчас не знаю, что делать... Лечить...

– От чего лечить?

– От чего лечить? Это меня священник спрашивает? От дьявольщины! Бесов изгонять!

– Мне пора ехать. Позже поговорим – сказал Габриэль и сел в машину.

– Осторожней. Не гони! – злобно ответил Аролдо и хлопнул ладонью по крыше автомобиля Габриэля.

Габриэль включил левый поворотник и медленно тронулся, пропуская попутный транспорт. Мысль о том, зачем его вызывает начальство, окончательно сформировалась, сомнений не было, разговор пойдет о Каллисто. Ну и что из этого следует? Да, его сын гомосексуалист, но давайте будем честными, как учит нас Христос, и признаемся в том, что множество католических священников являются таковыми, и продолжают служить Святому Престолу, как ни в чем не бывало! Даже папа Римский Франциск признал, что гомосексуализм и педофилия прочно засели в лоне церкви!

– Пусть для начала наведут порядок у себя в верхах, а по-

том уж меня отчитывают! – вслух сказал Габриэль и надавил на педаль газа.

Эпизод 13

Единственный приличный в городе ночной клуб «Tata Mona» был забит до отказа. Сегодня в нем выступал модный итальянский ди-джей Марко Карола. Золотая молодежь города в ожидании своего любимца подогревалась алкоголем, который лился нескончаемой рекой, ну а для тех, кому алкоголь казался слишком слабым допингом, бармены могли предложить химию посерьезнее. Коронным зрелищем клуба было шоу трансвеститов, проходившее здесь раз в месяц, поэтому неофициально «Tata Mona» считался гей – клубом, хотя половина посетителей были натуралы и девушки. Клуб был дорогим и не каждый молодой человек мог позволить себе провести в нем вечер, к тому же очень часто в клубе проходили закрытые вечеринки, вход на которые был исключительно по приглашениям. Сегодня проход в клуб был платным и любой желающий мог попасть на концерт Марко Карола всего за 149 евро.

У Дэни таких денег не было, зато у него был приятель работающий охранником в клубе, он его и пропустил внутрь заведения. Дэни никогда раньше не был в этом месте, да и вообще он мало где бывал. Он работал автомехаником в небольшом автосервисе друга своего отца, и его зарплата не позволяла вести разгульный образ жизни. К тому же Дэни мечтал уйти в армию и ждал когда же, наконец, ему испол-

нится двадцать один год. После службы он планировал поступить в военную школу основной боевой подготовки и посвятить себя армии. Но обучение в школе стоило больших денег, которых у семьи не было, и Дэни каждый месяц откладывал себе небольшую сумму на образование. В целом, он был нормальным парнем, у которого, по крайней мере, есть цель в жизни и кража кольца совсем не вписывалась в концепцию его существования. Более того, он страшно жалел, что украл это чертово кольцо и страшно боялся своего отца, не дай Бог если тот все узнает. Скорее всего, по древнему арабскому обычаю, Дэни отсекут руку. Но, пока этого не случилось, Дэни взял в баре стакан пива и стал рассматривать присутствующих людей, никого из которых он не знал, в надежде отыскать Каллисто, который наверняка был среди гостей. В клубе было полно девушек, которые пришли не только потанцевать и выпить, но и за сексуальным продолжением вечера. Но Дэни эти девушки сегодня не интересовали. Он не верил в то, что Каллисто парень и хотел продолжения знакомства, хотя и понимал, что шансов у него немного. Что может предложить простой автомеханик гламурной девушке – сводить ее в пиццерию, угостить мороженым или пригласить в кино? Именно поэтому он и мечтал стать офицером пусть и не своей родной страны, но это позволило бы ему подняться по социальной лестнице. Во Франглии офицерский корпус еще пока является опорой правящих кругов, и это не смотря на то, что все меньше и меньше молодых

людей желают оторваться от глобального потребления всего того, что можно купить за деньги.

– Привет! – неожиданно раздался чей-то голос над ухом Дэни.

Дэни обернулся и увидел Каллисто и Милису. Каллисто был одет в короткую джинсовую юбку, белую рубашку, растегнутую на груди, а завершали его образ туфли на высоком каблуке и шикарный макияж в стиле смоки айс. Венцом всего был нежно розовый цветок в его волосах.

– Привет! – ответил Дэни.

– Знакомься, это моя подруга Милиса.

– Привет! – поздоровалась Милиса.

– Привет, я Дэни.

– Очень неожиданно тебя здесь увидеть! Ты один? – спросил Каллисто.

– Да, один. Но, вообще-то я пришел с тобой увидеться!

– Зачем?

– У меня для тебя подарок! Пойдем куда-нибудь, где по-тише?

– Хорошо. Пойдем за мной! – сказал Каллисто, взял Дэни за руку и повел его сквозь толпу веселящихся людей.

– Я тебя здесь подожду! – перекрикивая музыку, сказала Милиса и заказала себе коктейль.

Дэни покорно шел за Каллисто и чувствовал себя немного не в своей тарелке. В каких – то миллиметрах от него были совершенно другие люди. На их лицах были странные,

безумно-экстазные улыбки, то ли от музыки, то ли от алкоголя. Казалось, что у них нет проблем и вся их жизнь состоит из веселья, сменяющегося похмельем, и так изо дня в день. У них есть деньги, они занимаются сексом, меняясь своими партнерами без всякого стеснения. Они работают стилистами, блогерами, моделями, бьюти фотографами и другими невнятными специалистами. Худые мальчики в обтягивающих футболках обнимаются с дядями среднего возраста и крутят своими жопами лучше многих уличных проституток. Но если для проститутки вертеть задом – неотъемлемая часть работы, за которую она получает деньги и платит налоги, и очень часто содержит семью, то мальчик в клубе крутит задом ради собственной похоти и возможности получить от пузатого дяденьки новый iPhone. Они оба, и мальчик, и проститутка сосут члены за деньги, только проститутка сосет себе на жизнь, то мальчик – гей на бессмысленное прожигание своей паразитирующей жизни.

Отрывок из дневника Аролдо Берни:

«Так почему проститутка считается падшей женщиной и отбросом общества, а пидарас – новой элитой и надеждой на прогрессивное будущее всего человечества? А все просто! Последние исследования в области человеческой сексуальности показали, что всего 3 процента самцов человека испытывают влечение к особям своего пола. Это и взяли на вооружение гомосексуалисты, этим они и прикрывают свое психическое расстройство! От этого они и провозгласили се-

бя элитой, потому что их всего трое на сотню! Они не такие как вся остальная серая масса! Они индивидуальности! С другой стороны, 3 процента это гигантская цифра, неспроста же гомосексуальность исключили на радость гомосекам, из списка международной классификации болезней только в 1990 году. И исключили только потому, что «больных» становилось все больше и на всех перестало хватать психиатрических лечебниц и медицинского персонала! А вот фармацевтические компании наверняка расстроились, ведь больных нуждающихся в медикаментозной помощи в одночасье стало меньше, и значит, прибыли этих компаний упали на те самые 3 процента. Что до проституток, то они испокон веков спасали семьи от разводов и рожали детей, продолжая человеческий род. А вот кого родит, если конечно доведется, мальчик с извращенным сознанием гея? Ответ однозначный – еще большего извращенца! Потому что психические заболевания, как и другие болезни, передаются по наследству!»

Конечно, в голове у Дэни не было таких сентенций и познаний, он просто чувствовал себя чужим на этом радужном празднике. Он не заметил, как оказался в саду с бассейном и деревьями, подсвеченными гирляндами. Это была другая часть клуба, в которой иногда проходили мокрые вечеринки, а в остальные дни это был просто бассейн с лежаками, окруженный старыми каштанами.

– Ну вот. Здесь вроде бы тихо – сказал Каллисто и попра-

вил волосы.

Дени достал из кармана небольшую красную коробочку и протянул ее Каллисто.

– Это тебе!

Каллисто открыл коробочку и увидел в ней кольцо, которое он рассматривал на витрине магазина.

– Ого! Круто! Спасибо! – сказал Каллисто.

– Оно вроде тебе понравилось? – спросил Дэни.

– Да!

– Дарю! – сказал Дэни и вплотную приблизился к Каллисто.

– Э, ты чего? – немного напрягшись, спросил Каллисто.

– Хочу тебя поцеловать – сказал Дэни, прижимая Каллисто к большому дереву.

– Ты уверен, что хочешь это сделать? Ты готов? – вяло сопротивляясь, с участившимся дыханием спросил Каллисто.

– Уверен! Ты такая клевая! Худая немного, но мне нравятся такие телки!

Дэни впился губами в губы Каллисто, который ответил ему полным согласием. Через мгновение Дэни почувствовал сильное возбуждение, но не только у себя. Он резко отпрянул от Каллисто и увидел, что у «девушки» между ног набухло то, чего там быть не должно!

«Неужели, правда, он парень? Вито был прав!» – эта мысль пронзила Дени.

– Черт! Что это? Ты чего, педик? Ты чего чертов педик???

Какого хера! Твою мать, ты педик! – орал Дэни.

Каллисто поправил одежду и прическу и протянул ладонь, на которой лежало злосчастное кольцо.

– Забери кольцо. Я же спрашивал тебя, ты готов?

Дэни ударил Каллисто по ладони и кольцо, подпрыгнув на несколько метров вверх, улетело в траву.

– Да пошел ты! – прокричал Дэни и пошел обратно в шумный зал, где уже начался концерт диджея Карола, но не для того чтобы послушать музыку или выпить еще, а быстрее свалить из этого места, где его постигло ужасное разочарование.

Каллисто подождал, пока Дэни скроется в толпе, и стал искать улетевшее кольцо. Каллисто был уже настолько морально разложившимся человеком, что этот неприятный эпизод не произвел на него никакого впечатления. Его больше интересовала никчемная безделушка, которую он быстро отыскал в траве. Он надел кольцо на безымянный палец, посмотрел на него при свете фонарей и довольный пошел обратно к танцполу.

Эпизод 14

Аролдо сидел в своем «Peugeot» напротив клуба «Tata Mona» и скучающе наблюдал за тем, что происходит возле входа. Какие то люди выходили покурить, два парня специфической, толерантной внешности, по всей видимости, ругались, охрана не пускала группу агрессивных подростков, короче говоря, ничего интересного. В принципе он мог вызвать несколько нарядов полиции, устроить облаву на наркдиллеров и наверняка уехал бы с хорошим уловом, но, не смотря на скуку, это не входило в его планы. Аролдо ждал, когда появится Дэни. В руках у комиссара была флэшка с видеозаписью ограбления ювелирного магазина, и на этом видео было прекрасно видно лицо грабителя. Наконец Дэни появился в дверях клуба, сделал несколько шагов, достал сигареты, закурил и быстро пошел по улице, на ходу вытирая губы рукавом рубашки. Аролдо завел мотор, развернулся и поехал за Дэни. Дэни был в подавленном настроении из – за инцидента с Каллисто и шел, опустив голову. Обогнав Дэни метров на двадцать, Аролдо остановился и вышел из машины.

– Дэни! – крикнул Аролдо.

Дэни поднял взгляд и увидел перед собой комиссара. Сначала он подумал, может дать деру? Вдруг комиссар знает, что он ограбил ювелирный? Но быстро передумал, мало ли

зачем он понадобился Аролдо, может у комиссара опять ба-
рахлит его машина, и нужно что – то починить. Дэни подо-
шел ближе.

– Ну чего, подарил кольцо??? – спросил Аролдо, резко ударил Дэни под дых и завалил его на багажник автомобиля, прижимая лицом к холодному металлу.

– Какое кольцо? – захрипел Дэни.

– То, которое ты украл в ювелирке вчера вечером?

– Я ничего не крал! – пытался соврать Дэни, судорожно соображая, откуда Аролдо все знает.

– Да неужели? Ты идиот! Вот флэшка, а на ней видос с камеры, которая висит в магазине не над входом, как у всех, а напротив витрины! – Аролдо продемонстрировал флэшку с доказательством.

– Все равно ничего не докажете! – Дэни вспомнил эту фразу, ее обычно произносят бандиты в дешевых сериалах.

– А я и не буду ничего доказывать, я эту флэшку отдам ребятам сербам, они держат этот магазин. А потом мы найдем тебя где-нибудь в канаве, с черенком от лопаты в жопе! Кольцо надо вернуть в магазин! Ясно говорю?

– Ясно. Но у меня нет кольца, я его подарил. Пидарасу этому, Каллисто!

– Дэни, ты же вроде нормальный парень был? Чего это ты стал за голубыми бегать?

– Откуда я знал, что он транс! Я думал это телка. Жаль по роже ему не надавал!

– Нельзя ему по роже. Это не толерантно. Значит так. Будешь должен мне.

– Я и так на Вас работаю – этими словами Дэни напомнил комиссару, что иногда он ему помогал в поиске украденных автомобилей, которые разбирались угонщиками на запчасти.

– Плохо работаешь, а теперь будешь лучше. А флэшка у меня пока побудет.

Аролдо отпустил Дэни.

– Не отдавайте флэшку сербам, они же грохнут меня!

– Я же сказал, будешь должен. Поехали – сказал Аролдо и открыл пассажирскую дверь.

– Куда?

– В полицию! Напишешь мне все, как было!

– Вы меня арестуете?

– Дэни, я же сказал – будешь должен. Как ты отдавать долг из тюрьмы будешь? Садись в машину!

– Господин комиссар – сказал Дэни, усаживаясь на пассажирское сиденье.

– Что то еще?

– Не говорите ничего моему отцу, умоляю! Иначе мне конец!

– У меня коробка передач плохо работает...

– Я понял! Я все сделаю, в любое время, только отцу не говорите!

– Не скажу. – Аролдо захлопнул пассажирскую дверь, обо-

шел машину сел за руль и поехал с Дэни в департамент.

Всю дорогу до департамента полиции Дэни думал о том, что вдруг комиссар все-таки расскажет про его «подвиг» отцу. И тот отрубит Дэни руку, как этого требует Коран.

И что значит фраза Аролдо – «Будешь должен мне...»? Понятно, что это гораздо больше, чем бесплатный ремонт его автомобиля. В этот момент Дэни не мог себе даже предположить, что гроб, в котором он лежит, уже закрыли крышкой.

Эпизод 15

Солнечным утром следующего дня Габриэль ехал по улочкам Солерно в сторону храма Martorana, куда его вызвал для беседы епископ. Итало – албанская католическая церковь, которой служил Габриэль, хотя и является отдельным институтом, но находится в полном согласии и подчинении Святому Престолу и папе Римскому.

Храм был окружен небольшим парком из вечнозеленых кипарисов и самшитовых кустов. В парке уютно располагался небольшой пруд, в котором с достоинством линкоров плавала пара лебедей. Утром здесь почти никогда не было людей и Габриэль, который приехал на полчаса раньше, взяв стаканчик кофе в небольшом кафе неподалеку, присел в аллее парка еще раз подумать о том, как себя вести с епископом и что говорить.

Если разговор действительно пойдет о Каллисто, то Габриэлю нечего было ответить. Да, в последние годы христианские церкви признали гомосексуализм нормальным проявлением человеческой сущности, разрешили однополые браки, и даже появились женщины епископы. Но, это все происходит в протестантских ветвях христианства: лютеранских, англиканских, баптистских, адвентистских и прочих, которые откололись от Римско – Католической церкви и избрали свой путь, упростив понимание закона Божьего и само

существование человека. Что до истинных католиков и православных христиан, то они наоборот резко осуждают гомосексуализм, опираясь на Святое Писание, в котором прямым текстом сказано, что ложиться с мужчиной, как с женщиной – грех.

С другой стороны, раскол в католицизме произошел не на пустом месте. К началу 16 века господство и власть Римско – Католической церкви над человеком, над неизбежным прогрессом, в конце концов, над деньгами зашла слишком далеко, и богослов Мартин Лютер, опираясь на влиятельные олигархические круги, создал мощный фундамент, на котором вскоре установился реформистский протестантизм, как оппозиционная конфессия средневековым догматам Римско – Католической церкви, которая только в 1992 году официально признала, что Земля – шар! Так что лучше – прогрессивно женить гомосексуалистов или консервативно отрицать открытия Галилея? В чем праведность? Габриэль уже давно понял, что чем дольше он живет, чем больше у него накапливается знаний и опыта, тем меньше он знает о жизни. Сократ был прав, изрекая фразу: «Я знаю только то, что ничего не знаю, но другие не знают и этого!». Еще 30 лет назад все было замечательно и понятно! Кто хотел – тот верил в Бога и ходил в церковь, или не ходил, но верил. Но никто не искажал двадцати вековые традиции! Преступников судили самым строгим судом. Армия была армией, а не лагерем бойскаутов. Габриэль вспомнил, как получил под дых от сер-

жанта, за то, что решил показаться самым умным. Крестьяне работали на земле и успешно продавали урожай без всяких квот, рабочие и инженеры трудились на заводах и выпускали качественную продукцию – на века, в кладовке у Габриэля до сих пор лежал магнитофон Philips 851 1975 года выпуска в исправном состоянии. По телевизору шли интересные передачи для взрослых и детей, а сейчас одна из самых популярных детских тв-программ «Biss & Kajs» где главные герои кусок говна и струя мочи обсуждают физиологические особенности организма! Почему произошла моральная деградация людей и началась замена многовековых традиций на реформаторское говно? Когда у нас, прогрессивных европейцев, опрокинулось сознание? Может быть в тот момент, когда разрушили берлинскую стену, группа Scorpions написали свой хит Wind of Change и весь западный мир перестал бояться «красную машину» – СССР?

На эти вопросы Габриэлю не дал подумать звук колокола, пробивший 11 утра. Габриэль допил свой кофе и быстрым шагом пошел в храм, где вскоре должно было решиться его будущее.

Помощник епископа, молодой дьякон, недавно закончивший семинарию, открыл массивную дверь, за которой был рабочий кабинет его начальника и пригласил войти Габриэля.

– Ваше преосвященство! Отец Габриэль! – по-военному доложил дьякон.

– Слава Иисусу Христу! – поприветствовал епископа Габриэль.

– Вовеки слава, аминь. Проходите, отец Габриэль. Присаживайтесь.

Габриэль сел на старинный хорошо отреставрированный стул и окинул взглядом кабинет. Дубовая мебель, покрытая темным лаком, книжные шкафы до потолка, небольшая стремяночка, чтобы доставать книги с самых высоких полок, стреловидные готические окна с цветными витражами, портреты епископов и кардиналов на стенах, и если бы не MacBook на тяжелом массивном рабочем столе епископа, то создавалось ощущение, что Габриэль оказался в XVII веке. Епископ Пьерантонио Паванелло сел в свое кресло за рабочий стол, на котором лежало несколько книг. Ему был чуть за шестьдесят, он был среднего роста, носил небольшую бородку и очки в тонкой оправе. В кругу духовенства Паванелло считался ортодоксальным, радикальным инквизитором, отвергающим любые новшества, которые могли затронуть Вселенскую Церковь, и верой и правдой стоял на страже библейских истин и закона Божьего, резко отвергая и критикуя любые возможные нововведения в церковный устав.

– Габриэль, Вы знаете зачем я Вас пригласил? – немного хриплым голосом спросил епископ Пьерантонио Паванелло.

– Нет, Ваше преосвященство – ответил Габриэль.

– И не догадываетесь?

– Нет.

– Врете! Вы врете Габриэль! Все прекрасно Вы понимаете! Вы забыли, что написано в Священном писании??? Вам напомнить??? – словно как раскатами грома прокричал Паванелло.

– Про что именно Вы спрашиваете меня?

– Третья книга Моисея глава 18, параграф 22! Не ложись с мужчиною как с женщиной. Это мерзость! А если кто ляжет с мужчиною, как с женщиной, то оба они совершили мерзость: да будут преданы они смерти, кровь их на них!

– Но, но я не ложился с женщиной! – пытался, как школьник перед учителем, оправдаться Габриэль.

– Молчите! Вот мое любимое место. Послание к Римлянам! – епископ взял книгу со стола, открыл ее на заранее подготовленном месте и стал зачитывать – Потому предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах, делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение!

– Ваше преосвященство! О чем Вы говорите? – все еще на что – то надеялся Габриэль.

– О Вашем сыне! О том, кто позабыл, кем его сотворил Господь! О том, кто пошел против Его воли! И если бы он не был Вашим сыном, то и Бог ему судья! Но Вам, тому, кто служит Господу и церкви такое непростительно!

– Но сейчас, в наше время, это не считается чем – то необычным. Даже Ватикан признал гомосексуальность! – сумничал Габриэль, но вспомнил армию и сержанта и не стал продолжать.

– Правильно, Ватикан признал именно гомосексуальность как природное явление, с которым человеку необходимо бороться!

– Я поговорю с сыном. Постараюсь его переубедить.

– Переубедить? Поздно. Рубикон давно уже Вы перешагнули, Габриэль.

– Но что мне делать?

– Отречься. Отречься от Вашего сына.

– Отречься от сына?

– Да. И от церкви тоже. Вернее это церковь отрекается от Вас. Это единственное, что может Вам помочь на Высшем суде. Уходите.

Габриэль застыл в легком оцепенении. Конечно, он был готов к такому повороту событий, но до конца не верил в столь серьезное наказание.

Смотря на его растерянность, епископ произнес:

– Габриэль. Послушайте. Вы неплохой человек, и, возможно, Ваш сын тоже. Но, примите то, что Вы не можете быть священником даже в вашей автокефальной церкви. Распутство, блуд – это смертный грех, тем более для Вас. Поймите, то, что сегодня разрешено гражданскими законами и конституцией, не является истиной!

Слушая епископа, у Габриэля появились мурашки и даже показалась, что появилось эхо, усиливающее слова священника, заиграл орган и сейчас появятся средневековые инквизиторы! Епископ продолжал:

– Это еретики протестанты своей гнусной пропагандой и извращенным пониманием Святого Писания, заставили людей поверить им! Гей парады и неистовая похоть когда-нибудь закончатся! А Вера во Христа будет вечной, покуда в живых останется хоть один проповедник, который и станет новым пророком! Но до этого дело не дойдет! Чтобы в мире была гармония, чтобы общество было управляемым, покорным и адекватным существуем мы – пасторы! Но Вы, Габриэль не справились даже с одним человеком, что говорить о вашей пастве. Идите с миром!

– А тех священников, которых уличили в педофилии, что с ними будет? – пытался язвить Габриэль.

– Вы их уличали лично?

– Нет.

– А вот Вас уличили лично в неспособности воспитать собственное дитя! А в воспитании все средства хороши! Если кто-то не понимает слов, можно и по роже врезать! Уходите! Вы стали меня утомлять!

Габриэль хотел привести аргумент в свою защиту в виде романа Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», в котором автор в сатирической форме описывает многочисленные пороки католического духовенства. В том числе ханжество

священнослужителей, прикрывающее их истинную развращенность. Прошло уже почти пять столетий с момента издания первой публикации романа, а ситуация так и не изменилась! Но подумав, что продолжать дискуссию с епископом не имеет никакого смысла, воздержался от озвучивания этой мысли.

Габриэль встал, поклонился и пошел к дверям, которые уже с легким скрипом приоткрыл помощник епископа. Габриэль вышел из храма Martorana и решил присесть в кафе и обдумать, что теперь делать. Официант в белом фартуке принес меню, из которого Габриэль заказал стандартный ланч и погрузился в размышления. Ему захотелось курить. Иногда он это делал, курение было его маленькой тайной, про которую знал только Аролдо, он достал пачку сигарет из-под сутаны, и поскольку столик, за которым он сидел, находился на улице – закурил. Какой-то парень, сидевший за другим столом неподалеку, обалдев от невиданной картины, даже поднял палец вверх! Габриэль его поприветствовал и филигранно выпустил колечки дыма, размышляя о том, какие мягко говоря неприятности у него возникли из-за Каллисто.

Эпизод 16

Неприятности наметились и в жизни самого Каллисто. Пока он работал с очередной клиенткой, экспериментируя с краской для волос, патрульный полицейский Больдосаро получил первое задание от комиссара Аролдо – доставить Каллисто в департамент полиции. Каллисто сегодня был в нормальном образе парня, если не считать плотно обтягивающих его худые ноги джинсов, такую же футболку «стретч» и волос, забранных в пучок. Каллисто был так увлечен болтовней с девушкой, что не заметил, как возле салона красоты остановилась полицейская машина, из которой вышел Больдосаро и пошел к стеклянной двери «Ron Mari». Даже когда полицейский вошел внутрь, ни девушка, сидевшая в парикмахерском кресле, ни Каллисто его не заметили, они смеялись над какой – то дебильной шуткой, прозвучавшей только что на «JokeRadio». Веселый смех прервал голос Больдосаро:

– Кто тут Каллисто?

Наконец-то Каллисто заметил, что в парикмахерской кроме него и девушки еще появился полицейский, и ответил:

– Я. Что случилось?

Больдосаро подошел к Каллисто, резко и без труда заломил ему руки за спину, от чего Каллисто выронил расческу, кисточку и плоску с краской для волос. Больдосаро заметил

кольцо на безымянном пальце у юноши и в ту же секунду, отработанным движением защелкнул наручники.

– Эй! Что случилось? Я ничего не сделал! Это ошибка! Что происходит? – испуганно кричал Каллисто.

– Вы подозреваете в ограблении ювелирного магазина! Пошли. – без эмоций сказал полицейский.

– Я не грабил ни какой магазин!

– Постойте, он мне прическу не доделал! – возмущалась девушка, у которой вся голова была в краске для волос.

– Вернется, обязательно доделает! – пошутил Больдасаро, провожая Каллисто к дверям.

– Но когда?

– Года через три.

Полицейский вывел Каллисто из парикмахерской и посадил на заднее сиденье патрульной машины, оставив клиентку салона красоты самостоятельно смывать краску с волос.

Задержание Каллисто за кражу кольца было абсолютной формальностью. Аролдо просто было нужно доставить Каллисто в полицейский департамент для серьезного разговора, пока Габриэль получает разнос где-то в своей епархии. Аролдо не хотел обижать своего друга, которому и так сейчас было не просто, и, пользуясь тем, что Габриэля сейчас нет в городе, Аролдо пригласил своего хорошего знакомого, профессора психиатрии Луиджи Грассо, специалиста по сексуальным преступлениям, посмотреть и пообщаться с Каллисто. И тот с радостью согласился помочь комиссару, не смот-

ря на большую занятость на преподавательской работе в медицинском университете, частную практику и работу с полицией. Аролдо как раз и был знаком с Грассо еще по работе в столичной полиции. Грассо был старше комиссара лет на десять, он был достаточно полноват, страдал начальной стадией сахарного диабета, но считался выдающимся специалистом в современной сексуальной психиатрии. Именно его выступление по телевизору недавно видел Габриэль.

Аролдо встретил Луиджи на вокзале Парилона, куда на утреннем, девятичасовом экспрессе он прибыл из Рименберга. Они встретились как старые друзья и Аролдо повел Луиджи завтракать в недешевое кафе Lord John Pub. За завтраком они вспоминали старые времена и сошлись на мнении, что сейчас все по другому и мир уже не тот. Однако Луиджи, не смотря на свой возраст, шел вперед безо всякой оглядки на прошлое:

– Ты знаешь, те процессы, которые сейчас будоражат общество, уникальны! Посмотри, в каком коммуникативном мире мы живем! Как все упростилось, но и одновременно усложнилось! Как просто стало общаться. Ты можешь совершенно спокойно жить двойной жизнью, а то и тройной, благодаря интернету и соцсетям! Каждый человек может быть кем угодно! – восхищенно разглагольствовал Луиджи.

– Я не совсем тебя понимаю? – спросил Аролдо.

– Посмотри на меня? Я старый, толстый, потеющий человек. Но в интернете я молодой накаченный парень с 20 сан-

тиметровым болтом! И у меня куча поклонниц и даже поклонников. Я би.

Аролдо поперхнулся чаем, от произнесенных Луиджо слов:

– Би?

– Да. Но только в интернете. Не пугайся. Старик Луиджи никогда не променяет пару увесистых женских сисек на два яичка в мешке! – после сказанной шутки Луиджи совершенно неистово засмеялся.

Смотря на него, после недолгой паузы Аролдо тоже расмеялся.

Луиджи Грассо всю жизнь был крайне эксцентричной личностью. И хотя он был психически здоров, но работа с сумасшедшими людьми накладывала на него отпечаток легкой неадекватности, которая проявлялась в излишне нарочитой сексуальности Луиджи. Аролдо вспомнил случай, который произошел лет двадцать пять назад. Тогда еще молодой Луиджи поехал на конференцию психиатров в Париж, с ним же за компанию поехал и судмедэксперт из полицейского участка, в котором служил Аролдо. Он то и рассказал эту историю: Вечером доктора, после хорошей посиделки вернулись в гостиницу и готовились лечь спать, но Луиджи не унимался с рассказом об анальном сексе, которым он недавно занимался с проституткой и так перевозбудился от собственного рассказа, что вышел на балкон гостиничного номера и принялся мастурбировать с криками:

«Париж, я хочу тебя трахнуть в жопу!». Это шоу лучше всех видели девушки из окна дома напротив, которые и вызвали полицию...

Завтрак закончился, Аролдо расплатился наличными, и приятели пошли к машине.

– Зачем тебе это? – спросил Аролдо уже на улице.

– Что? – ответил Луиджи.

– Зачем ты выдаешь себя за того, кем не являешься?

– А у меня и правда член 20 сантиметров! – сказал Луиджи и опять скорчился от смеха.

Он сказал это так нарочито громко, что две девушки, которые шли чуть впереди, обернулись посмотреть на владельца такого чудного пениса и кокетливого улыбнулись. Приятели прошли еще метров двадцать, и подошли к машине Аролдо. Он нажал на кнопку брелока, щелкнули замки и разложились боковые зеркала.

– Это твоя? – с легким пренебрежением спросил Луиджи.

– Ну да – ответил Аролдо. – А что?

– Она же старая, ее на свалку пора!

– Она мне нравится, в ней есть какая то душа.

– Бог мой! Что ты говоришь? Это просто кусок старого железа с изношенными механизмами! Купи новую! Ты же комиссар города!

– Куплю попозже. Поехали.

– Не будь ретроградом! Иди вперед! Развивайся! – словно лозунги выкрикивал слова Луиджи.

Аролдо сел за руль, Луиджи на переднее сидение и старый «Peugeot 607» плавно тронулся с места.

– Луиджи, спасибо еще раз, что согласился осмотреть этого парня – сказал Аролдо. – Он проходит свидетелем по делу об ограблении ювелирного магазина.

Аролдо еще по телефону, когда созванивался с Луиджи, вкратце рассказал ситуацию с Каллисто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.